

— А Шэн, я слышал, что ты убил разбойника. Это правда? — Чэнь Юй сорвал травинку с обочины и начал крутить её в руках, заставляя вращаться.

— Если бы я действительно убил человека, ты бы испугался?

Чжао Юшэн сжал рукоять меча, его лицо оставалось спокойным. Ему было всё равно, что его руки запятнаны кровью.

Листья закружились, и Чэнь Юй отпустил травинку, которая улетела по ветру. Он обернулся и улыбнулся Чжао Юшэну. Он ничего не сказал, но его улыбка говорила, что он не боится А Шэна. Зная его, Чэнь Юй был уверен, что его А Шэн никогда не станет убийцей.

Именно эта улыбка заставила Чжао Юшэна крепче сжать рукоять меча. Ему было всё равно, сколько крови он прольёт в будущем, лишь бы на лице Чэнь Юя всегда оставалась улыбка, а его жизнь была спокойной и беззаботной.

История о том, как Чжао Юшэн убил разбойника в горах Дайюнь, не должна была распространяться, но У Чу, большой болтун, всё рассказал.

По дороге Чэнь Юй много говорил, а Чжао Юшэн почти молчал. По мере приближения к Наньси Чэнь Юй начал замедлять шаг.

Он не знал, что мог бы остаться в академии Сихуа на несколько дней. Господин Саньси не запрещал ученикам заводить друзей, если только это были не сомнительные личности.

Путь от ручья Часи до Наньси был недолгим, и, когда Чэнь Юй очнулся, он уже стоял перед старым домом семьи Чэнь.

Чэнь Юй пригласил Чжао Юшэна зайти, но тот стоял у входа, глядя на старый дом. Это место занимало важное место в его памяти.

В прошлой жизни он в последний раз пришёл в старый дом семьи Чэнь, когда тот был уже совсем ветхим. Тогда Чэнь Юй был уже стар, болен и одинок. Именно здесь Чжао Юшэн видел его в последний раз.

Какая это была сцена? Такая, что заставляла Чжао Юшэна просыпаться среди ночи, ворочаться и не находить покоя.

Чэнь Юй вошёл в дом и обернулся:

— А Шэн?

Чжао Юшэн очнулся, переступил порог старого дома семьи Чэнь и вошёл в этот дом, полный воспоминаний.

Родственники, жившие в старом доме, знали, что Чэнь Юй приедет, и подготовились к его приёму. Но, увидев, что с ним прибыл сын уездного начальника, потомок императорского рода, они явно растерялись.

Чжао Юшэн не задержался в доме Чэнь. Он выпил чашку чая, но даже не притронулся к закускам, и вскоре поднялся, чтобы уйти.

Под зелёной кроной гинкго, белые стены и голубая черепица. Он, в чёрной повязке и белой одежде, поклонился и ушёл.

Чэнь Юй проводил его до библиотеки. Их отражения отражались в воде пруда. Он не понимал, почему тот так спешит. Время возвращения было ещё ранним, даже если директор не разрешал ему оставаться на ночь, он мог бы задержаться немного.

— А Шэн, я послал человека в город за сладостями. Он ещё не вернулся, подожди немного.

— Я не люблю сладости.

— Но в академии Сихуа ничего такого нет. Остайся хотя бы на обед, повар уже готовит.

— Не стоит.

Чэнь Юй понял, что он действительно не хочет оставаться. Возможно, Господин Саньси требует, чтобы он вернулся поскорее, и он не стал настаивать.

Они шли друг за другом. Чжао Юшэн шагал быстро впереди, а Чэнь Юй следовал за ним. Внезапно поднялся ветер, и листья гинкго зашумели. Чэнь Юй остановился, оглянувшись назад. Чжао Юшэн тоже остановился, но так и не обернулся.

Библиотека и дерево гинкго остались позади. Чжао Юшэн не хотел вспоминать их последнюю встречу в этом месте в прошлой жизни. Юноша с молодым лицом в его объятиях внезапно превратился в старика, и жизнь быстро утекала из его пальцев, не оставляя шансов на спасение.

Если боль от убийства в прошлой жизни осталась в его теле, то другая боль жила в его душе.

Они переступили порог, и Цянь Лю уже ждал у входа. Чжао Юшэн собирался уходить, а Чэнь Юй не хотел отпускать его. Чжао Юшэн попросил его остановиться, не провожать дальше. Чэнь Юй был расстроен и тихо сказал:

— Всё из-за меня тебя отправили в академию Сихуа.

Если бы он не увидел всё своими глазами, он бы никогда не узнал, какую жизнь тот вёл больше года. Не говоря уже о плохой еде и жилье, Господин Саньси был настолько строг, что не оставлял никакой свободы.

— Я привык к жизни там. Еда нужна только для того, чтобы насытиться, не стоит придавать ей слишком большого значения.

— А Шэн, но... — Он говорил так, будто это не имело значения, но Чэнь Юй чувствовал, что это не так. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

Он надеялся, что лето пройдет быстрее, и осень принесёт А Шэну возвращение в Цюаньчжоу.

— Сяо Юй, возвращайся в дом. Я ухожу.

Чжао Юшэн кивнул, поклонился и ушёл с Цянь Лю, оставив Чэнь Юя смотреть на его удаляющуюся фигуру, пока она не исчезла из виду.

Сердце Чэнь Юя было пустым. Он долго стоял у входа, пока слуга не позвал его. Он вернулся в дом, бродя по тихому двору. Его пальцы касались окон, а в душе царил сложная смесь эмоций — тревога, неудовлетворённость, тоска и привязанность. Эти чувства были слишком сложными для его возраста.

Чжао Юшэн вернулся в академию Сихуа к полудню. Юй Эньтай, сидя за столом, с досадой подпёр голову рукой и, увидев его, сердито взглянул:

— Почему ты так рано отправил его? Почему не оставил ещё на одну ночь?

Хотя бы дал бы мне провести с ним ещё один день. Тогда я смог бы в будущем, отправляясь в Цюаньчжоу, без стеснения заглянуть в дом Чэнь Чэнцзе, сказав, что мы с Чэнь Юем друзья. К тому же он мне очень понравился, я действительно хотел бы с ним подружиться.

Чжао Юшэн не обратил внимания на жалобы Юй Эньтая. Он сел за стол и начал писать, но явно не мог сосредоточиться, смяв несколько листов бумаги. Его настроение было плохим, и Юй Эньтай, зная его, решил не лезть.

Вечером Юй Эньтай позвал Чжао Юшэна поужинать, но тот не шевелился, и он ушёл один. Лёжа на кровати, Чжао Юшэн почувствовал лёгкий аромат, отличный от запаха дворцовых благовоний. Это был запах Чэнь Юя, оставшийся на кровати после его сна.

Он прикоснулся к тому месту, где лежал Чэнь Юй, вспоминая, как тот спал, как лежал рядом,

без умолку говоря, но не получая ответа.

Ночью, при тусклом свете свечи, Чэнь Юй лежал на мягкой кровати, погружённый в сон, а ветер шелестел листьями деревьев. Под тем же месяцем Чжао Юшэн зажёл благовония, чтобы отпугнуть комаров, погасил масляную лампу и закрыл глаза, пытаясь уснуть. Ночь была жаркой, Юй Эньтай ворочался в кровати, а на лбу Чжао Юшэна выступил пот. Ему с трудом удалось заснуть, и он увидел сон.

Чэнь Юй тоже видел сон. Он снова оказался в прошлой жизни, где они с Чжао Юшэном были вместе в библиотеке. Листья гинкго уже опали, была глубокая осень, и Чжао Юшэн, казалось, собирался уйти. Чэнь Юй обнял его сзади. Высокий и широкоплечий Чжао Юшэн не так-то просто было обнять, но Чэнь Юй не отпускал. В его груди бушевали эмоции, словно он задыхался. Во сне он понял, что это была боль.

И Чжао Юшэн во сне, и он сам были уже старше. Чжао Юшэн, казалось, достиг двадцати лет, его лицо стало более зрелым. Чэнь Юй услышал, как тот сказал:

— Ты уже не ребёнок, перестань вести себя так, будто я твой родственник. Я не могу быть с тобой всю жизнь.

Он разжал объятия Чэнь Юя, его голос был спокоен и ровен, без малейшего волнения.

Руки Чэнь Юя дрожали от эмоций. Наконец, он медленно отпустил его. Чжао Юшэн без колебаний ушёл. Когда он скрылся из виду, Чэнь Юй тихо сказал:

— Я смогу.

Эти слова, сорвавшиеся с его губ, были унесены ветром.

Во сне он намочил подушку, но, проснувшись, остался в растерянности, не помня, что ему снилось.

Чжао Юшэн резко открыл глаза и сел на кровати. Он услышал, как кто-то купается за домом, видимо, из-за жары не мог уснуть. Он вышел во двор и посмотрел на луну, думая о библиотеке семьи Чэнь, о тени деревьев и о спящем внутри Чэнь Юе.

Ему приснилось, как они прощались в библиотеке Наньси в прошлой жизни. Тогда ему было девятнадцать, а Чэнь Юю — семнадцать. Он услышал, как Чэнь Юй сказал, что сможет.

Сможет быть с ним всю жизнь.

А он, в ответ, оставил Чэнь Юя на шестьдесят лет одиночества, даже без надежды на встречу,

как две звезды, никогда не пересекающиеся на небе. В конце, в глубокой осени, он держал его остывающее тело, понимая, что ничего нельзя изменить.

Через два дня управляющий Пань, закончив дела в печи «Дракон Доувэй», приехал в Наньси забрать Чэнь Юя, и тот вернулся в Цюаньчэн. В ночь перед отъездом Чэнь Юй написал письмо Чжао Юшэну, сообщив, что возвращается, и будет ждать встречи осенью.

К осени срок службы отца Чжао Юшэна в уезде Нин истёк, и он был переведён на новое место. Чжао Юшэн тоже покинул уезд, вернувшись в Цюаньчжоу.

<http://bllate.org/book/15279/1348826>